

Правда и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ.

(Съ рисункомъ).

Возно висится замокъ храбраго Зигфрида съ зубчатыми стѣнами, съ неприступными башнями, съ крѣпкими, чугуными запорами, съ глубокими рвами.... Вокругъ залегли непроходимыя чащи лѣсовъ, а за ними съ одной стороны несетъ свои могучія волны Рейнъ, а съ другой струится Мозель.

Нѣтъ храбраго властелина въ замкѣ, опустѣли темные переходы, глухо, тяжело звучать шаги подѣ нависшими сводами... А давно ли пировали здѣсь рыцари, давно ли раздавались по лѣсу ихъ могучіе голоса, давно ли оглашались своды ихъ звонкими пѣнями!... Пусто, непривѣтно въ замкѣ, и невольно сжимается сердце у молодой графини Генофефы, когда она печально проходитъ по мрачнымъ заламъ, словно чувствуетъ бѣду ея ретивое, слезы сами собой на глаза просятся.... Вспоминается графинѣ родной замокъ ея стараго добраго отца, герцога Брабантскаго, рисуются картины дѣтства, молодости, замужества; давно ли, кажется, была она такъ счастлива, и вотъ, какъ туча, налетѣла на нее невзгода: подоспѣла война съ турками, Зигфридъ собрался въ путь, осталась она, словно вдова, одинокая, печальная....

— Не плачь, радость моя, утѣшаль ея Зигфридъ при разставаньѣ, ты, вѣдь, знаешь, что я тебя оставляю не одну: нашъ вѣрный Головъ никому не дастъ тебя въ обиду; пусть будетъ онъ безъ меня полнымъ властелиномъ замка...

Припомнились Генофефъ эти послѣднія слова мужа, и горькія слезы потекли изъ глазъ... О, не зналъ онъ, на кого оставлялъ замокъ, не знала и она, какой низкій человѣкъ былъ этотъ Голоузъ. Не прошло еще и мѣсяца, какъ уѣхалъ Зигфридъ, а ужъ онъ захватилъ въ свои руки все: графиня жила въ своемъ собственномъ домѣ, какъ невольница, она не смѣла съѣсть лишняго куска безъ позволенія своего мучителя; какъ будто на зло ей онъ отмѣнялъ всѣ ея приказанія, разогналъ ея слуганокъ, заставилъ ее стирать бѣлье, мыть посуду, и некому было за нее вступиться! Что могла она сдѣлать? Слуги всѣ боялись новаго управляющаго, какъ огня, да онъ и не жалѣлъ ихъ: за одно дерзкое слово слетѣла голова съ плечъ у пажа графини; за мелкую какую-то провинность любимую служанку ея бросили въ самый темный подвалъ, на вѣрную смерть... Всѣ притихли, словно замеръ замокъ; графиня то бродитъ, какъ тѣнь, не ѣсть, не пьетъ, то цѣлые дни не выходитъ изъ своей опочивальни.

А новый управляющій похаживаетъ, да думушку подумываетъ:

— Чѣмъ я самъ не графъ? Припугну людей, завладѣю замкомъ, вернется хозяинъ, такъ мосты подниму, да ядовитыми стрѣлами его поподчую!..

Однако, какъ ни дерзокъ онъ былъ, а тутъ и на него напала робость: день за днемъ откладываетъ онъ свое намѣреніе, можетъ быть, и слугъ побаивался; крѣпко они его не любили за его жестокий нравъ.

Графиня, между тѣмъ, позвала къ себѣ тайкомъ стараго вѣрнаго конюха, Драгона, и сказала ему:

— Слушай, старикъ, завтра чуть свѣтъ ты осѣдлаешь самаго быстрого коня и, пока всѣ спятъ, выѣдешь изъ замка...

— Молчи, молчи, дитяtko, остановилъ ее Драгонъ и пугливо оглядѣлъ всѣ углы: молчи, не договаривай, я и самъ все знаю, все понялъ, поскачу, помчусь къ твоему ясному соколу, все ему расскажу... ужъ не сдобровать этой хитрой лисицѣ, этому звѣрю душегубцу!..

Старикъ сжалъ кулаки, его потухшіе глаза заблестѣли такою ненавистью, такою силою, будто у него съ плечъ лѣтъ тридцать свалилось...

Пошелъ Драгонъ въ конюшню, но хитрый Голоузъ ужъ тутъ какъ тутъ:

— А, старый, такъ ты съ графинею переговоры ведешь! Такъ вы тайкомъ отъ меня что-то затѣваете! Въ подвалъ его и пытать!

Умеръ старикъ подъ лютыми пытками, ни слова не проронилъ, но Голоузъ и такъ догадался, что графиня затѣяла извѣстить мужа.

Онъ потребовалъ ее къ себѣ въ залу. Вошла Генофефа блѣднѣе смерти, но гордо взглянула ему прямо въ глаза.

— Чего тебѣ еще отъ меня нужно?—спросила она.

— Чего мнѣ нужно? дерзко отвѣчалъ онъ. А вотъ чего: знай, что ты нынѣ я полный властелинъ замка: мужу твоему не переступать больше этого порога, а ты, если хочешь остаться госпожею, выйди за меня замужъ.

Графиня гордо окинула его такимъ взглядомъ, что онъ невольно потупился.

— Ты ужъ очень забылся, сказала она ему спокойно: ты воленъ убить меня, слабую женщину, воленъ завладѣть замкомъ, но душа моя останется чиста...

— А, если такъ! закричалъ Голомъ: я тебя упрячу!..

Онъ позвалъ людей и велѣлъ имъ бросить графиню въ тюрьму.

— Она замышляла извести графа, сказалъ онъ имъ, затѣмъ и послала къ нему стараго Драгона... я открылъ ихъ заговоръ!..

Слуги не смѣли ослушаться его приказанія, и вотъ, бѣдная Генофефа томится уже нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Сыро, холодно въ мрачномъ подземельѣ, бѣдная женщина не знаетъ, чѣмъ прикрыть своего малютку, который только-что проглянулъ на Божій свѣтъ—злой Голомъ не далъ имъ ни постели, ни даже соломы. Грѣтъ мать маленькія ручки и ножки своимъ горячимъ дыханіемъ и думаетъ: „Назову я свое дитя Горюномъ, горькая его доля... увидимъ ли мы съ нимъ свѣтъ Божій!..“

А Голомъ уже замышляетъ новое злодѣйство: заперся въ башнѣ съ самымъ преданнымъ своимъ слугою, такимъ же жестокимъ, какъ онъ самъ, строчить письмо къ Зигфриду, а слугѣ даетъ строгій наказъ говорить графу то-то и то-то.

Сидитъ Зигфридъ со своими рыцарями въ шатрѣ послѣ жаркаго боя. Передъ ними пѣнится вино въ кубкахъ, но графъ печально опустил голову: въ его воображеніи носится образъ милой, кроткой Генофефы...

Вдругъ входитъ посолье.

— Всемогущій графъ, говоритъ онъ, опускаясь на одно колѣно, при-
вѣтъ вамъ отъ моего повелителя, Голона... а вотъ и его письмо къ вамъ...

— А Генофефа? Неужели она мнѣ и поклона не послала? прогремѣлъ графъ.

Посолъ притворился смущеннымъ и молча передалъ ему письмо.

Графъ быстро пробѣжалъ глазами по строкамъ, побагровѣлъ, стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что кубки разлетѣлись:

— Смерть ей! закричалъ онъ.

Головъ писалъ ему, что жена его каждый день задаетъ пиры, что она забыла про мужа, наконецъ, что она замышляетъ извести только-что родившагося ребенка...

— Да, можетъ быть, лжетъ твой господинъ? одумавшись, сказалъ, наконецъ, графъ. Расскажи-ка мнѣ, юноша, обо всемъ, что дѣлается въ замкѣ...

Посолъ твердо помнилъ заученный урокъ и слово до слова, какъ по писанному, пересказалъ всю вымышленную въ письмѣ ложь...

— Ну, такъ смерть ей! еще грознѣе вырвалось изъ груди рыцаря — и чтобы никто ни здѣсь, ни въ замкѣ не посмѣлъ мнѣ напомнить, что была у меня жена!..

Онъ самъ подписалъ смертный приговоръ графини и отослалъ пажу.

Загорѣлись глаза у Голова, когда онъ получилъ этотъ приговоръ: теперь-то онъ покажетъ свою власть!

Онъ собралъ всѣхъ слугъ, велѣлъ сойтись и сосѣднимъ поселянамъ и прочелъ при всѣхъ приговоръ Генофефѣ.

Графиню, съ ребенкомъ на рукахъ, ночью повели въ лѣсъ двое палачей.

— Ну, графиня, сказалъ одинъ палачъ, обнажая мечъ, твой часъ насталь...

Генофефа бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Пощадите меня, молила она, Богъ справедливъ, онъ знаетъ, что душа моя чиста. Онъ не попуститъ совершиться такому злему дѣлу. Не губите малютки, васъ судьба наградить за это..

Палачъ опустилъ мечъ, а товарищъ его сказалъ:

— Знаешь что? чѣмъ намъ пятнать руки кровью, заведемъ-ка ее подалее въ лѣсъ, да тутъ и оставимъ—вѣдь это все равно что смерть; изъ такой глуши ужъ не выйдетъ...

Сказано — сдѣлано. Бродить графиня въ густой чащѣ — вокругъ нея волки да медвѣди рыщутъ, лисицы на нее изъ норъ посматриваютъ, надъ головою вороны да коршуны выются... Жутко!.. Но мало по малу привыкла она къ лѣсу; отыскала пещеру, наносила туда мху, сдѣлала по-

стель себѣ и ребенку, а со звѣрями даже сдружилась: перестали они ея дичиться, птички, бѣлки, зайцы прыгали около нея и заигрывали съ маленькимъ Горюнчикомъ.

Питаться ей пришлось только кореньями и ягодами; пила она воду изъ ручейка, но на душѣ у нея было спокойно и свѣтло.

— Если ужъ Богъ меня спасъ отъ лютой казни, то и отъ холода, и отъ голода убережетъ, думала она.

А холода тутъ какъ тутъ. Начались вьюги, посорвало листья съ деревьевъ, засырѣла пещера, по утрамъ стѣны стали покрываться тонкимъ ледянымъ слоемъ. Какъ зябла, какъ страдала Генофефа! Но что ей до себя! Лишь бы Горюнчику было тепло! Грѣетъ его мать цѣлые дни на своей груди, а злой вѣтеръ такъ и рветъ ея волосы, такъ и пробираетъ насквозь. Соберетъ бѣдная листьевъ, мху, завалитъ хворостомъ входъ въ пещеру, прикроетъ своего ребеночка вѣтмъ, чѣмъ только можно, а сама сидитъ полунагая и дрогнетъ... Всего тяжелѣе было переносить голодъ: приходилось разрывать снѣгъ, чтобы добыть кореньевъ, приходилось въ кровь расцарапывать руки, чтобы рыть оледенѣлую землю.. И все-таки ребенокъ хилѣлъ день ото дня, ему не хватало молока изъ тощей груди голодной матери, личико его поблѣднѣло, осунулось, ручки и ножки высохли.

— Господи! молилась Генофефа, Господи! сбереги мнѣ мое единственное сокровище! Пошли весну, не дай намъ погибнуть!..

Услышана молитва матери: потянуль съ юга теплый вѣтерокъ, проглянуло красное солнышко, показалась первая зелень... а у входа въ пещеру наклонилась стройная головка лани съ большими, умными, ласкающими глазами.

Генофефа поманила къ себѣ животное и лань робко вошла въ пещеру; вымя ея отяжелѣло отъ скопившагося молока; она жалобно глядѣла на Генофефу, легла подлѣ нея... Видно волки съѣли ея дѣтей.

Генофефа попробовала подоить ее въ осколокъ отъ сгнившаго пня, который служилъ ей единственною посудой—молоко сразу наполнило осколокъ, и еще, и еще разъ: и мать, и ребенокъ ожили отъ питательнаго питья, а лань расположилась у нихъ, какъ дома, весело поглядывая на своихъ новыхъ друзей.

Она оказалась славною кормилицею, ни на шагъ не уходила отъ сво-

его питомца. а если и убѣгала въ чащу, гдѣ трава была сочѣе и гуще, то перекликалась съ нимъ оттуда, какъ настоящая мать...

Графиня нашла въ лѣсу мертвую серпу, содрала съ нея кожу и смастерила своему Горюнчику мѣховую рубашку и мѣховые башмачки. Онъ часто просился у матери посидѣть на спинѣ у своей кормилицы-лани, когда она паслась гдѣ нибудь у пещеры: мать сажала его, а вокругъ нихъ вились дикіе голуби, бабочки — и опять чистая душа Генофефы спокойно ждала будущаго, опять на лицѣ ея играла улыбка.

„Богъ не оставитъ насъ“, думала она.

Горюнчикъ скоро окрѣпъ, его быстрыя ножки вездѣ поспѣвали за ланью, онъ зналъ всѣхъ окрестныхъ зайчиковъ, бѣлокъ, голубей...

Сидитъ, бывало, подъ деревомъ, лань съ любовью смотритъ на него своими добрыми глазами, подлѣ на сучкѣ проворная бѣлка грызетъ орѣшекъ, а тамъ изъ-за куста вылетитъ голубокъ и несетъ ему отвѣдать первую вишеньку... Горюнчикъ очень счастливъ — ему и въ голову не приходитъ, что можно жить иначе.

— Мама, ты чего плачешь? спроситъ онъ, развѣ тебѣ не весело, мама? Смотри, какъ хорошо у насъ...

Генофефа улыбается ему сквозь слезы, цѣлуетъ его, не наглядится на своего красавчика...

Въ замкѣ, между тѣмъ, произошли большія перемѣны.

Неспокойно стало на сердцѣ у Зигфрида, собралъ онъ своихъ рыцарей и помчался домой. Подъѣхалъ къ замку, глядитъ: мосты подняты, рвы окопаны, рѣшетки и ворота спущены.

— Что бы это значило? думаетъ онъ, ужъ не чужой ли рыцарь завладѣлъ замкомъ? — и посылаетъ одного изъ оруженосцевъ въ сосѣднюю деревню развѣдать о случившемся.

Чудныя вѣсти принесъ оруженосецъ: Голонъ, вѣрный Голонъ оказался измѣнникомъ, онъ объявилъ себя господиномъ замка, велѣлъ поднять мосты и грозилъ Зигфриду, законному владѣльцу, своими ядовитыми стрѣлами изъ высокихъ башенъ.

Задумался Зигфридъ, а передъ нимъ вертится дѣвочка крестьяночка, отводитъ его въ сторону и шепчетъ ему вѣсти еще страннѣе, еще ужаснѣе:

— Не вели меня казнить, рыцарь, шепчетъ она, ты запретилъ говорить

о графинѣ, да не могу я смолчать: дала она мнѣ передъ тѣмъ какъ въ лѣсъ ее повели убивать, вотъ эту записку, велѣла передать тебѣ... больно ужъ она горевала, бѣдняжка, какъ злой Голона ее въ тюрьму бросилъ...

Смотритъ Зигфридъ на темный клочекъ пергамента и глазамъ не вѣритъ: все злодѣйство, вся низость Голона передъ нимъ, какъ на ладони! Хватился онъ за голову и какъ ужаленный помчался къ рыцарямъ:

— Сѣдлатъ коней! Взять штурмомъ замокъ! Стереть съ земли, если не сдастся!.. пронесся его могучій кличъ, и какъ стая орловъ налетѣли храбрые воины на мрачнаго великана: дрогнула земля, затрещали желѣзные засовы, закрипѣли ржавыя петли, затряслись стѣны—мощный Зигфридъ очутился снова подъ своими дѣдовскими сводами...

Но не радуется его удача, кипитъ его рыцарское сердце, дрожитъ благородная грудь.

— Гдѣ измѣнникъ?! Найти его живаго или мертваго!..

Разсыпались слуги, ищутъ день, другой, наконецъ на третій день нашли его въ лѣсу; онъ бѣжалъ, но не спасся отъ смерти: въ глубокомъ оврагѣ лежалъ онъ, окровавленный, разбитый, и вороны уже до половины склевали его трупъ. Затосковалъ Зигфридъ, какъ призракъ бродилъ онъ по замку; разбрелись рыцари, замолкли веселыя пѣсни, а сумрачный хозяинъ шепталъ про себя: „Я убійца; я сгубилъ двѣ невинныя души, нѣтъ и не будетъ мнѣ покоя...“

Прошло шесть лѣтъ. Какъ-то заѣхали къ Зигфриду его старые товарищи и волей неволей-пришлось оказать имъ гостепріимство. Онъ устроилъ для нихъ охоту. Оживился, зазвенѣлъ дремучій лѣсъ тысячею охотничьихъ роговъ, раздались лай собакъ, ржанье коней, людской крикъ и говоръ; всполошились всѣ звѣри, и большіе, и малые, давно они не слыхивали надъ собою такой невзгоды... Много было убито и медвѣдей, и волковъ, много затравлено оленей, лисицъ, зайцевъ... Разгорѣлась душа у Зигфрида, помчался онъ въ самую чащу, какъ вдругъ передъ нимъ замелькала быстрая лань.

Графъ сошелъ съ коня и бросился за нею — лань отъ него... Графъ прицѣлился—пуля пролетѣла мимо, а лань опять замелькала въ кустахъ и ввела его въ самую глушь...

Раздвинулъ Зигфридъ вѣтви и обмеръ: передъ нимъ пещера, а у пе-

щеры, на травѣ семилѣтній малютка; надъ нимъ склонилась лань, и его толстыя рученки обвили ея шею.

Зигфридъ приблизился. И лань, и ребенокъ бросились отъ него въ кусты, изъ пещеры же вышла женщина — что это? Зигфридъ окаменѣлъ... Передъ нимъ стоялъ призракъ, онъ былъ увѣренъ, что призракъ его убитой жены, Генофефы...

Несчастный графъ чувствовалъ, какъ у него каждый волосъ на головѣ сталъ дыбомъ.

— О, безплотный духъ! вскричалъ онъ, падая на колѣни; зачѣмъ ты вышелъ изъ могилы, зачѣмъ ты мучишь мое наболѣвшее сердце?! Я и то не нахожу себѣ нигдѣ покоя, я знаю, что я убійца и несу на себѣ проклятіе ..

— Опомнись, Зигфридъ, мой дорогой, мой милый мужъ, я не призракъ, я твоя жена, мы оба живы, и я, и сынъ твой! успокаивала его Генофефа; Горюнчикъ, иди сюда, это твой отецъ, Горюнчикъ! говорила она сыну.

Ребенокъ робко приблизился, и только тогда Зигфридъ пришелъ въ себя: да, это его сынъ, его милое дитя, онъ черта въ черту похожъ на него, это люди, живые, близкіе, дорогіе...

Надо ли описывать, какой пиръ задалъ Зигфридъ?! Графиню съ сыномъ одѣли въ лучшія одежды и повезли изъ лѣсу съ такими почестями, съ какими наврядъ ли вѣзжали когда либо принцы съ принцессами: дѣти, женщины, старики, старухи, все толпились около нея, стараясь коснуться хоть кончика ея одежды.

— Святая! Ангелъ! слышалось со всѣхъ сторонъ.

И правда, она была похожа на ангела со своею чудною, чистою улыбкою на устахъ, а ужъ маленькій Горюнчикъ и подавно напоминалъ херувима. Все на нихъ любовались, больше же всѣхъ счастливый отецъ, благородный графъ Зигфридъ. Лань тоже не осталась въ лѣсу — она бѣжала тутъ же подлѣ и посматривала по временамъ на своего милого питомца.

Тишина и миръ осѣнили замокъ. Графиня, какъ добрый духъ, всюду поспѣвала съ утѣшеніемъ и помощью; во всемъ околотѣ любили ее и молились за нее.

А Горюнчикъ? хоть прозвище и осталось за нимъ на всю жизнь, но онъ провелъ счастливое дѣтство и выросъ умнымъ и добрымъ рыцаремъ.

Семья дожила до глубокой старости, святая Генофефа видѣла своихъ внуковъ и правнуковъ.

Три желанія.

идѣли какъ-то за ужиномъ сторожъ Иванъ съ женою Марьей и говоритъ Марья Ивану:

— Ужь какъ бы хорошо было все имѣть, чего ни пожелаешь...

— А зачѣмъ тебѣ?

— Какъ зачѣмъ? Развѣ мы какъ люди живемъ? Во всемъ у насъ недостатокъ: и не доѣшь, и не доспишь, и одѣваешься такъ, что въ люди стыдно выйти... Развѣ это жизнь? А если бы всѣ мои желанія исполнялись, я бы чего, чего не нажелала—ужь зажила бы, такъ бы зажила, что и старостиха бы мнѣ позавидовала.

— Да, правда твоя, и я бы ужь съумѣлъ пожелать, если бы только зналъ, что желаю не на вѣтеръ...

Не успѣлъ Иванъ кончить, какъ въ дверь вошла старушка съ клюкой.

— Объ чемъ вы тужите, добрые люди? спрашиваетъ.

— Да вотъ, бабушка, говоримъ, что хорошо бы было, если бы всѣ наши желанія исполнялись...

— Только-то? Этому горю я, пожалуй, помогу... Вотъ вамъ для пробы отъ меня подарокъ: вы можете пожелать до трехъ разъ и эти три желанія ваши сейчасъ же исполнятся; только, смотрите, зря не желайте...

Сказала старушка и пропала.

— А, вѣдь, это была колдунья, Иванъ, говоритъ Марья, давай-ка теперь желать.

— Давай...

Сидѣли, сидѣли, думали, думали: и то хорошо, и другое еще лучше— не знаютъ, за что хватиться, даже проголодались... А въ это время идетъ мимо окна мальчикъ колбасникъ и несетъ на лоткѣ грудку свѣжихъ, горячихъ колбасъ. Такъ и пахнуло въ окно душистыми колбасами съ чеснокомъ. Видно Марью ужъ очень голодъ одолѣлъ.

— Ахъ, говорить, какъ бы мнѣ теперь горячей колбаски хотѣлось!..

Хлопъ! Горячая колбаса ужъ и тутъ какъ тутъ, лежитъ на тарелкѣ...
Одного желанія какъ не бывало.

Иванъ даже позеленѣлъ со злости.

— Ну, не простофиля ли ты! закричалъ онъ, ну, куда ты теперь со своею колбасой дѣнешься! И пожелать то не съумѣла, ничего лучшаго не нашла! Вотъ ужъ наградила меня Богъ женою, нечего сказать!

Марья стала было оправдываться.

— Чего ты сердишься? Развѣ я худо пожелала? Смотри, какая колбаса то, мы такой еще и не ѣдали! Садись лучше, поужинаемъ...

Тутъ ужъ Иванъ совсѣмъ вышелъ изъ себя.

— Убирайся ты со своею колбасой! Хотя бы она къ твоему носу пристала!

Трахъ!—колбаса соскочила съ тарелки и пристала къ Марьиному носу, повисла, точно усы..

Тогда Марьяна очередь пришла браниться, и досталось отъ нея Ивану за четверыхъ. Бѣдный Иванъ совсѣмъ опѣшилъ: онъ вовсе не ожидалъ, что желаніе его такъ скоро сбудется.

— Ахъ, батюшки! Что-жъ теперь дѣлать? Что-жъ дѣлать? суетился онъ и старался оторвать колбасу, но она крѣпко приросла къ тѣлу и не поддавалась.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что не исполнилось только еще одно желаніе.

— Что же я думаю! весело закричалъ онъ, эй, колбаса, я желаю, чтобы ты сейчасъ же отстала отъ моей Марьюшки и убиралась къ своей колдуньѣ!

Въ одинъ мигъ колбаса исчезла, а наши добрые люди печально принялись за свой скудный ужинъ и долго еще попрекали другъ друга тѣмъ, что такъ некстати упустили изъ рукъ счастье.

